

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2026, Том 17, № 2 / 2026, Vol. 17, Iss. 2 <https://sfk-mn.ru/issue-2-2026.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/48KLSK226.pdf>

5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Невзоров, С. Г. Коллективный подвиг советских военнопленных как феномен культуры: солидарность, идентичность и места памяти / С. Г. Невзоров // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2026. — Т. 17. — № 2. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/48KLSK226.pdf>.

For citation:

Nevzorov S.G. The collective feat of Soviet prisoners of war as a cultural phenomenon: solidarity, identity, and places of remembrance. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2026;17(2): 48KLSK226. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/48KLSK226.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 008:94(47+57)"1941/1945"

Невзоров Сергей Геннадьевич

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», Оренбург, Россия
Начальник цикла военного учебного центра при Оренбургском государственном университете

Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: sg-nevzorov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-9974-2773>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=776897

Коллективный подвиг советских военнопленных как феномен культуры: солидарность, идентичность и места памяти

Аннотация. В статье предпринят культурологический анализ коллективного подвига советских военнопленных, оказавшихся в нацистской лагерной системе в 1941–1945 годах. Автором коллективный подвиг рассматривается не как сумма отдельных героических поступков, а как особая культурная практика: выработанный пленными способ сохранять человеческое достоинство, групповую идентичность и волю к жизни там, где лагерь был устроен для их планомерного уничтожения. На материале опубликованных исследований реконструируется внутренняя логика этой практики: от взаимопомощи и солидарности к отказу и организованному сопротивлению. Показано, что носителями коллективности выступали довоенный армейский опыт, дисциплина, родной язык, общая песня, воинский этикет и память о Родине, которые в условиях лагеря приобретали значение культурного кода и инструмента выживания. Прослеживается, что та же модель работала и за пределами лагерей — в национальных формированиях и европейском движении Сопротивления, где пленные разных народов действовали сообща. Отдельно автором рассматривается посмертная судьба подвига, его вхождение в мемориальную культуру через памятники, коммеморативные практики и просветительские проекты, а также сопутствующие искажения и умолчания. Автор приходит к выводу, что коллективный подвиг военнопленных представляет собой формирующееся «место памяти», способное давать обществу ответ на вопрос о собственной идентичности и предлагать образец нравственного выбора в нечеловеческих обстоятельствах.

Ключевые слова: коллективный подвиг; советские военнопленные; культура памяти; идентичность; солидарность; нацистские концлагеря; движение Сопротивления; места памяти; коммеморация

Введение

Образ советского военнопленного долго не находил себе места в отечественной культуре памяти о войне. В ней господствовал героический нарратив, в который судьба пленного — окружение, плен, проверка по возвращении — вписывалась с трудом. Эта культурная немота имела свои основания: согласно приказу № 270 Ставки Верховного Главнокомандования от 16 августа 1941 года сдача в плен приравнивалась к измене Родине, а сам пленный воспринимался скорее как фигура вины, чем доблести [1, с. 53]. Не случайно тема плена долгое время почти не разрабатывалась в историографии (за исключением сюжетов антифашистского сопротивления) и лишь постепенно входила в искусство и музейные экспозиции.

Между тем именно в среде военнопленных сложилось явление, которое по своей нравственной плотности не уступает фронтовому героизму, но имеет иную природу. Речь идёт о коллективном подвиге, не об отдельном поступке смельчака, а о согласованном, длящемся усилии группы людей, направленном на сохранение человеческого облика и на борьбу с врагом в условиях, рассчитанных на полное расчеловечивание. Цель настоящей статьи — рассмотреть этот коллективный подвиг как феномен культуры: выявить его внутреннее устройство, культурные основания и формы, в которых он закрепляется в памяти. Такая постановка задачи переводит тему из плоскости военной истории в плоскость культурологии, где предметом анализа становятся смыслы, ценности и практики, а не только факты.

Источниковую и историографическую базу составили работы, опубликованные в рецензируемых научных изданиях и сборниках, в которых на архивном материале реконструированы конкретные случаи лагерного сопротивления [1–3], демографические параметры плена [4–6] и практики увековечения памяти [7; 8]. Их сопоставление позволяет увидеть за разрозненными эпизодами единую культурную модель.

Масштаб трагедии как контекст подвига

Понять цену коллективного подвига невозможно вне демографического контекста плена. Подсчёты численности расходятся, поскольку разные системы немецкого учёта давали несовпадающие ряды. К. Штрайт приводил последовательно растущие сводки: в середине июля 1942 года в немецком плену насчитывалось 4 716 903 советских военнопленных, а на 1 февраля 1945 года — уже 5 734 528 [9, с. 44]. За этими шестизначными числами стоит беспрецедентная смертность: условия содержания советских военнослужащих в немецком плену были значительно хуже, чем у пленных всех других воевавших армий, следствием чего и стала их высокая гибель [1, с. 53].

Установка на уничтожение задавалась не стихией войны, а директивой. Уже в сентябре 1941 года германское командование объявило, что русские военнопленные не имеют «юридического права на нормальное обращение с ними», а инструкция № 1/3058 предписывала против малейших признаков непослушания действовать энергично и беспощадно применять оружие [10, с. 145]. Идеология Третьего рейха прямо определяла отношение к пленным, следствием чего стали массовые военные преступления, подтверждённые документами и свидетельствами очевидцев [11]. На советских граждан не распространялась и та минимальная защита, что предоставлялась пленным западных армий: при попытке к бегству охране был отдан приказ стрелять сразу на поражение, тогда как в отношении западных военнопленных требовался предупредительный выстрел в воздух; соотношение охраны к числу советских офицеров составляло 1:5, к рядовым — 1:10, тогда как французские военнопленные охранялись в пропорции 1:50 [12, с. 56].

Именно в этой точке — там, где человек низведён до объекта, обречённого на гибель, возникает культурологический парадокс. Подвиг рождается не вопреки отсутствию выбора, а как акт восстановления выбора там, где система его упразднила. Поэтому коллективные действия пленных нельзя сводить к «стратегиям выживания»: между ними и сопротивлением проходит важная граница, которую необходимо прояснить.

Внутренняя логика коллективного подвига: от самопомощи к сопротивлению

Ключевое для культурологического анализа различие проводит С. В. Аристов: если узник или группа были лишь объектами помощи, преследуя только собственное спасение, это стратегия выживания; если же заключённые сознательно поддерживали солагерников дополнительным питанием, медикаментами, организацией интеллектуальной деятельности, рискуя собственной жизнью, это уже сопротивление [12, с. 51]. Иными словами, подвиг начинается там, где забота о другом становится важнее самосохранения.

Эта забота имела свою внутреннюю динамику. Е. А. Макарова, опираясь на концепцию немецкого историка Детлефа Гарбе, описывает модель из четырёх последовательных категорий — самопомощь, солидарность, отказ и собственно сопротивление. В её основе «решимость к самопомощи, которую пленные противопоставили намеренному уничтожению их идентичности, а также безнадёжности лагерной реальности»; самоутверждение становилось предпосылкой объединения в небольшие группы, а «воля сохранить личность порождала отказ, к которому прибегали в определённых экзистенциальных ситуациях» [13, с. 46]. Здесь коллективность предстаёт не лозунгом, а постепенно выстраиваемой структурой смысла: человек сначала отстаивает себя, затем — другого, затем отказывается служить врагу и, наконец, борется.

Структуру самой группы сопротивления С. В. Аристов описывает как систему концентрических кругов. Внешний круг составляли узники, не участвовавшие в нелегальной деятельности; средний — сочувствующие, получавшие помощь и привлекавшиеся к отдельным операциям; ядром же был актив, руководивший группами и поддерживавший связь с внелагерными объединениями, в том числе с партизанами [12, с. 52]. Само сопротивление выстраивается по трём уровням: удовлетворение базовых потребностей через повседневную помощь солагерникам; борьба «за умы и души» в форме образовательной, политической и культурной активности; наконец, саботаж, групповые побеги и восстания [12, с. 51]. Существенно, что культурная активность здесь не довесок к «настоящему» сопротивлению, а его полноправный уровень.

За время войны как минимум 100 тыс. советских солдат и офицеров оказались в особом виде нацистских концлагерей — фабриках смерти [12, с. 54]. Среди узников советские военнопленные занимали особое, лидирующее положение. Аристов отмечает, что средняя доля участников сопротивления в концлагерях применительно к советским пленным была значительно выше, чем у военнопленных других национальностей [12, с. 58]. За этим стояла культурная предпосылка: «во многих свидетельствах отмечались их дисциплина и патриотизм. Дисциплина являлась частью армейского опыта. В критических условиях она позволяла сохранять или достаточно быстро формировать объединения, способные действовать сообща» [12, с. 54–55].

Культурные основания коллективности: дисциплина, язык, песня, достоинство

Если рассматривать подвиг как культурный феномен, важнее всего понять, на каком «материале» держалась коллективность. Анализ конкретных случаев показывает, что несущей конструкцией был довоенный опыт, превращавшийся в лагере в код опознавания «своих» и в инструмент сохранения личности.

Наиболее выразительно это видно на примере группы советских женщин-военнопленных — участниц обороны Севастополя, попавших в концлагерь Равенсбрюк. Партия пленных, прибывшая с Южного фронта в 1942 году, привлекла внимание ярко выраженной дисциплиной и сплочённостью: даже «в самом грязном бараке обращались друг к другу на “вы” и по званию» [10, с. 148]. В. Е. Николаева делает принципиальный вывод: «стержнем сопротивления оказался долагерный опыт заключённых, который и дал им шанс на спасение, сохранение своей идентичности в лагере» [10, с. 148]. Сохранение воинского этикета в условиях, специально устроенных для расчеловечивания, было не формальностью, а ежедневным актом самозащиты культуры.

Похожую роль играла песня. Описывая нюрнбергскую тюрьму, куда перед казнью свозили командиров из офлага XIII D (Хаммельбург), майор Р. Эрусте вспоминал: «Ежедневно, после так называемого ужина, когда в камере становилось темно, все становились в круг и, медленно двигаясь друг за другом, запевали песни Родины. <...> И как ни старались тюремщики, что ни предпринимали, песню заглушить не могли, её можно было вырвать только с жизнью» [13, с. 48]. Здесь коллективное пение не утешение, а форма сопротивления: общий ритм восстанавливал «мы» там, где система стремилась оставить лишь разрозненные номера.

Тот же источник доносит и этический кодекс группы. На допросах, по свидетельству Эрусте, «не уронить достоинство Русского офицера, не посрамить себя перед товарищами, показать, что они, а не мы скоты, — вот что думал каждый и думали все вместе»; на вопрос «Коммунист? Большевик?» «не было ни одного случая “Нет”, все отвечали: “Да”» [13, с. 48]. Достоинство мыслилось здесь как общее достояние, которое нельзя уронить в одиночку, не предав других.

Та же норма боевого товарищества обнаруживается и в обыденной лагерной повседневности. Анализируя судьбы ярославских курсантов-авиаторов, А. М. Ермаков отмечает: «Пока позволяли обстоятельства, явашевцы старались держаться вместе, а после того, как оказывались в разных лагерях, находили себе новых друзей» [14, с. 1294]. Эта дружба становилась прямым инструментом спасения: товарищи по авиашколе укрывали курсантов-евреев, чьи шансы на выживание были минимальны, заподозрив готовящуюся расправу над одним из них, друзья «определили его в помещение для больных дизентерией, а потом внесли в список пленных, отправляемых в другой лагерь» [14, с. 1294]. Здесь взаимопомощь перестаёт быть отвлечённой ценностью и предстаёт конкретной техникой сохранения жизни «своего».

Важно, что коллективность держалась и на организованной материальной взаимопомощи, ставшей культурной нормой. В Хаммельбурге продукты, добытые подпольной косторезной мастерской, шли в общий фонд: «они предназначались для оказания помощи наиболее слабым узникам, а также копились к побегу» [13, с. 48]. Основатели лагерного подполья прямо формулировали свою задачу как «поддержание морального состояния военнопленных <...>, а также по возможности улучшить материальное положение ослабевших военнопленных путём коллективной помощи» [13, с. 46]. Забота о слабом превращалась в принцип, противопоставленный лагерной логике естественного отбора.

Формы подвига: побег, отказ, восстание

Культурная модель коллективности реализовывалась в конкретных формах действия, и каждая из них имела собственный смысловой профиль.

Первой и наиболее массовой формой были побеги. К 1 мая 1944 года в нацистских документах среди успешно бежавших числилось в общей сложности 66 694 красноармейца; о массовости явления уже в 1941 году свидетельствует донесение Р. Гейдриха о 5 тыс. бежавших из Германии и 12 тыс. — из Генерал-губернаторства к ноябрю того года [12, с. 55–56].

Мотив побега, как подчёркивает Аристов, определялся «не страхом перед наказанием со стороны “своих” <...>, а скорее желанием отомстить врагу и стать участником побед над ним» [12, с. 56]. Побег был не бегством от борьбы, а способом её продолжить.

Особую форму являл коллективный отказ — публичное «нет», произнесённое группой. По воспоминаниям бывшей медсестры, в феврале 1944 года севастопольские узницы в филиале Равенсбрюка отказались выходить на авиационный завод: «когда утром нас начали гнать на завод, мы не пошли. <...> нас построили в два ряда, приказали раздеться до рубашек, снять деревяшки, и мы сутки стояли на морозе. Каждый час приходила надзирательница, предлагала кофе и постель тому, кто согласится выйти на работу, но таких не нашлось» [10, с. 149]. Сила этого эпизода, в его коллективности: отказ одного был бы самоубийством, отказ всех становился актом достоинства, который замечали даже посторонние, проходившие мимо рабочие «украдкой поднимали кулаки в знак солидарности» [10, с. 149].

Высшей формой было восстание. В подавляющем большинстве лагерей планы восстаний сорвались, из-за эвакуации, уничтожения актива, невозможности добыть оружие, однако и несостоявшиеся выступления оборачивались подвигом. В ночь со 2 на 3 февраля 1945 года в Заксенхаузене 200 советских военнопленных были отобраны для уничтожения; по дороге в крематорий, по команде генерала Семёна Ткаченко, они набросились на конвой и погибли в неравной схватке [12, с. 58]. Успешными восстания оказались лишь в Маутхаузене и Бухенвальде, где международные объединения «политических» узников были наиболее массовыми; и в этих случаях советские пленные играли ключевую роль в вооружённой нейтрализации охраны [12, с. 58]. В большинстве известных реализованных восстаний — в Аушвице-Биркенау, Маутхаузене, Бухенвальде, Собиборе — руководителями или активными участниками были именно советские военнопленные [12, с. 59].

Коллективный характер подвига отчётливо виден и на оккупированной территории. В Севастополе в 1943–1944 годах действовала Коммунистическая подпольная организация в тылу немцев (КПОВТН) во главе с участником обороны города В. Д. Ревякиным; военнопленные, входившие в группу Н. И. Терещенко, были, как показывает В. А. Иванов, «важнейшей составляющей» подполья и должны были стать ударной силой вооружённого восстания на случай высадки десанта Черноморского флота [15, с. 5]. Здесь пленные перестают быть жертвами обстоятельств и становятся одной из ударных боевых групп сопротивления в глубоком тылу врага.

За пределами лагеря: коллективность в движении Сопротивления

Та же культурная модель, действие сообща ради общей цели, обнаруживается и за колючей проволокой, когда пленным удавалось вырваться в ряды европейского Сопротивления. Это особенно важно для культурологического взгляда: коллективный подвиг оказывается не локальным лагерным эпизодом, а воспроизводимой практикой, переносимой в новые условия.

Путь к этому был неоднозначным. Часть пленных вермахт принуждал или склонял вступать в национальные соединения и легионы, однако значительное их число использовало это положение для перехода на сторону борьбы: как показывает Н. М. Маркдорф, с июня по декабрь 1943 года в партизаны ушли от 10 до 14 тыс. солдат восточных формирований, причём наибольшее число «перебежчиков» пришлось на осень 1943 года, после поражений вермахта под Сталинградом и Курском [16, с. 165]. Перемена стороны была здесь не индивидуальным спасением, а возвращением в общее «мы» сражающихся.

В рядах европейского Сопротивления коллективность приобретала ещё и интернациональный характер. Г. М. Мендикулова, опираясь на документы зарубежных архивов, музеев и библиотек, восстанавливает участие казахов в итальянском и французском движении Сопротивления и

отмечает, что в гарибальдийских формированиях Народно-освободительной армии Югославии воевали представители тридцати национальностей СССР [17, с. 78]. Бывшие военнопленные, по её наблюдению, «составляли небольшие отряды» [17, с. 77], то есть и на чужой земле воспроизводили привычную форму боевого товарищества. Так коллективный подвиг обнаруживал свою культурную природу: он держался не на этнической однородности, а на общей готовности действовать вместе.

Цена и пределы: подвиг без идеализации

Культурологический анализ обязывает избегать идеализации, иначе подвиг превращается в плакат и теряет нравственную достоверность. Сами участники сопротивления не были «идеальными героями»: они могли совершать ошибки, в их среде возникали конфликты, а отдельные действия солагерники оценивали скептически. Лагерь навязывал участникам групп сопротивления мучительный выбор: кому именно оказать помощь при крайнем дефиците ресурсов — задачу, «практически нерешаемую с точки зрения морали» [12, с. 53]. Признание этой неоднозначности не умаляет подвига, а возвращает ему человеческое измерение.

Внутри лагеря коллективности противостояла не только администрация, но и коллаборационизм. История хаммельбургской группы командиров-генералов Г. И. Тхора, И. М. Шепетова, Д. М. Карбышева и их товарищей, разворачивалась в прямом противоборстве с вербовщиками, склонявшими пленных на службу врагу. Сохранившийся донос генерала-предателя коменданту лагеря прямо называет тех, кто «занимается среди военнопленных агитацией против вступления на службу к немцам», и просит «принять меры» [13, с. 46]. Следствием стала расправа: в начале января 1943 года группа командиров и политработников была вывезена в концлагерь Флоссенбюрг и расстреляна [13, с. 49]. Среди отобранных «для особого обращения» были Герой Советского Союза генерал И. М. Шепетов, генерал И. А. Пресняков, политработники, многие из которых скрывали подлинные имена, так что после гибели «от них не оставалось никаких биографических сведений» [13, с. 47]. Эта безымянность гибели, отдельная драма культуры памяти, к которой я обращаюсь ниже.

Свидетель тех событий оставил формулу, в которой подвиг определён через память: «Можно убить человека, превратить в пепел его тело, но нельзя умертвить память о нём у тех, кто остался в живых и знает, что этим они обязаны в большей степени погибшему» [13, с. 48]. Подвиг здесь мыслится как долг живых перед мёртвыми, то есть как культурное, а не только военное событие.

Посмертная судьба подвига: места памяти и коммеморация

Коллективный подвиг не завершается гибелью его участников, он продолжает существовать в культуре как объект памяти, и здесь его судьба оказывается не менее драматичной.

С. В. Аристов прямо переводит сюжет в плоскость культуры памяти: «те или иные моменты в прошлом становятся знаковыми, “местами памяти”, если отвечают гражданам страны на вопрос “кто мы?”, “откуда мы?”, дают основу для формирования общей идентичности, предлагают ролевые модели и образцы поведения». История сопротивления советских военнопленных, по его мысли, «делает возможным возникновение такого “места памяти” в современной России <...>. Она даёт пример того, что борьба со злом возможна в любых, даже в нечеловеческих условиях» [12, с. 59]. Подвиг, таким образом, претендует на роль ценностного ориентира, а не музейного экспоната.

Однако материальная память о пленных формировалась трудно. Анализ мемориальной культуры Юга России, проведённый Е. А. Захариной и Е. Ф. Кринко, показывает, что первые памятники на местах массовой гибели и бывших дулагов появились ещё во время войны, в 1970–1980-х годах их сменили оригинальные монументы, изображавшие самих пленнх, а в 1990-е многие из них пришли в запустение [1, с. 57]. На юге РСФСР, по данным Чрезвычайной государственной комиссии, был расстрелян и замучен 82 091 советский военнопленный, больше половины — в Крыму и Севастополе (45 834 человека) [1, с. 54]. При этом авторы фиксируют характерную особенность мемориальных текстов: на памятниках «не всегда указано, что они установлены на братских могилах военнопленных», а отличительной чертой таких мемориалов стало «отсутствие на них, за редким исключением, фамилий погибших, в большинстве своём остающихся неизвестными» [1, с. 57]. Подвиг помнят, но помнят анонимно — и в этой анонимности продолжается то обезличивание, которое начал лагерь.

Сама художественная форма монументов несла культурное послание. Один из самых масштабных памятников советским военнопленным в Крыму, воздвигнутый в 1985 году на месте лагеря Толле, соединял два красных гранитных пилон колючей проволокой, над которой «взмывал вверх металлический альбатрос как символ несломленной воли советского человека» [1, с. 56]. Скульптурные группы в Миллерово и хуторе Ериковском изображали изможденных узников, один из которых поддерживает обессиленного товарища [1, с. 55], то есть визуализировали именно взаимопомощь, культурное ядро коллективного подвига.

К той же работе памяти относится и коммеморация погибших в плену. Н. П. Тимофеева, исследуя деятельность советских военных в Германии 1945–1949 годов по выявлению и учёту захоронений, делает вывод о необходимости коммеморации как «своего рода возвращения на родину после долгих лет замалчивания и забвения» [18, с. 108].

В XXI веке эту линию продолжили российско-германское научное сотрудничество и цифровизация архивов: В. С. Христофоров на основе более чем двадцатилетнего опыта работы в архивах провёл классификацию документов о советских военнопленных и показал необходимость продолжения работы по установлению их судеб ради сохранения исторической памяти [19]. Современные международные и волонтерские проекты, опирающиеся на оцифрованные трофейные немецкие документы, позволяют возвращать имена пропавшим без вести [20].

Память о подвиге существует в поле борьбы за его истолкование, и борьба эта ведётся не только внутри страны. А. Х. Хильгер прямо констатирует, что история советских военнопленных «до сегодняшнего дня лишена должного внимания» и почти не обсуждается «в контексте вопросов “культурной памяти”» [21, с. 141]. Там, где такие места памяти существуют, они оказываются уязвимы: М. Е. Мегем показывает, что памятники, посвящённые советским военнопленным в странах Балтии, «несмотря на то, что воспринимались и воспринимаются как “чужие” места памяти, оказались под охраной законов», но это «не спасло мемориалы от регулярных неофициальных актов вандализма» [22, с. 128]. Коллективный подвиг, таким образом, и спустя десятилетия остаётся предметом культурного спора.

Наконец, искажению подвига способствует и упрощённое представление о послевоенной судьбе пленнх. Как показывает Н. М. Маркдорф, фильтрация в проверочно-фильтрационных лагерях не была сплошной репрессией: на спецпоселение сроком на шесть лет направлялись прежде всего те, кто служил во «власовских» частях и национальных легионах, тогда как само участие в европейском движении Сопротивления «не являлось поводом для освобождения со спецпоселения» [16, с. 164].

Эта сложная, не одномерная картина важна культурологически: подмена её плоским образом поголовно репрессированного пленного деформирует память, замещая подвиг виктимностью.

Заключение

Проведённый анализ позволяет утверждать, что коллективный подвиг советских военнопленных — это самостоятельный культурный феномен, а не побочная тема военной истории. Его сущность состоит в восстановлении человеческой субъектности там, где она была отменена: пленные, по точному наблюдению, «из жертв превращались в героев» [12, с. 58–59], преодолевая навязанное состояние объекта уничтожения. Внутренняя логика этого превращения описывается движением от самопомощи к солидарности, отказу и сопротивлению, а его культурным «материалом» служили дисциплина, родной язык, общая песня, воинское достоинство и норма взаимопомощи, противопоставленная лагерной логике отбора.

Коллективность здесь принципиальна. Подвиг военнопленного почти никогда не был одиночным актом, он держался на «мы», которое нужно было ежедневно воспроизводить через заботу о другом, через общий риск, через отказ предать товарища. Та же модель переносилась за пределы лагеря — в национальные формирования и интернациональные отряды европейского Сопротивления, где пленные разных народов действовали сообща. Именно поэтому адекватное осмысление темы требует культурологического, а не только событийно-исторического подхода: предметом анализа становятся смыслы и ценности, удерживавшие группу как целое.

Наконец, подвиг продолжает жить в культуре памяти, претендуя на роль «места памяти», которое отвечает на вопрос об идентичности и предлагает образец нравственного выбора [12, с. 59]. Но это место памяти остаётся незавершённым: значительная часть погибших безымянна, мемориальные тексты нередко скрывают присутствие пленных, а истолкование их судеб становится полем культурной борьбы. Дальнейшее изучение темы перспективно вести в русле истории культуры повседневности экстремального опыта, соединяя анализ лагерных практик с исследованием коммеморации, с тем чтобы вернуть коллективному подвигу не только имена его участников, но и его подлинный культурный смысл.

ЛИТЕРАТУРА

1. Захарина, Е. А. Трагедия советских военнопленных в мемориальной культуре Юга России / Е. А. Захарина, Е. Ф. Кринко // Научная мысль Кавказа. — 2021. — № 1(105). — С. 53–59. — DOI 10.18522/2072-0181-2021-105-1-53-59. — EDN RALMHY.
2. Батшев, М. В. Новые архивные документы по истории советских пленных в Норвегии в годы Великой Отечественной войны / М. В. Батшев // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. — 2021. — Т. 12, № 1. — С. 104–118. — DOI 10.31862/2500-2988-2021-12-1-104-118. — EDN UEDJGJ.
3. Алексеев, В. В. Штрихи к судьбам советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны / В. В. Алексеев // Великая Отечественная война, войны России и проблемы исторической памяти: Материалы XLVII Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 18 мая 2020 года / Под редакцией С.Н. Полторака. — Санкт-Петербург: ООО "Полторак", 2020. — С. 256–263. — EDN POGGQY.
4. Биссман, Д. Советские военнопленные во французском движении Сопротивления. Проблемы исследования / Д. Биссман // Исторический курьер. — 2021. — № 3(17). — С. 9–15. — DOI 10.31518/2618-9100-2021-3-1. — EDN LTTGHT.
5. Лебеденко, Р. В. Об участии советских граждан в движении Сопротивления на юге Франции в 1943–1944 гг / Р. В. Лебеденко // В мире научных открытий. — 2013. — № 5(41). — С. 76–91. — EDN QBIUOP.

6. Никонова, С. И. Воспоминания советских военнопленных как источник по истории Великой Отечественной войны (по материалам студенческого поискового проекта «Факел») / С. И. Никонова // Гуманитарные науки в XXI веке: научный Интернет-журнал. — 2023. — № 23. — С. 26–36. — EDN UUHSEJ.
7. Портер, Т. Е. Забытые жертвы Холокоста: судьба советских военнопленных (исследования и точки зрения американских историков) / Т. Е. Портер // Клио. — 2009. — № 3(46). — С. 44–52. — EDN KVMOKR.
8. Салахова, Э. К. Судьба бывших военнопленных в советском и постсоветском обществах / Э. К. Салахова // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов: сборник статей / отв. ред. А.Ш. Кабирова. — Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2015. — С. 668–673. — EDN UMQTFR.
9. Полян, П. М. Советские военнопленные: сколько их было и сколько вернулось? / П. М. Полян // Демографическое обозрение. — 2016. — Т. 3, № 2. — С. 43–68. — EDN WZZPQV.
10. Николаева, В. Е. Сопротивление нацистскому геноциду военнопленных на примере советских женщин-военнопленных, участниц обороны Севастополя 1941-1942 гг. — узниц концлагеря Равенсбрюк / В. Е. Николаева // Актуальные вопросы истории, историографии и источниковедения Юга России: Крым в годы Крымской, первой мировой и Великой Отечественной войн: Материалы региональной научно-практической конференции, Симферополь, 15 мая 2024 года. — Симферополь: ООО "Издательство Типография "Ариал", 2024. — С. 145–150. — EDN IZYHUA.
11. Бовкун, К. И. Политика нацистской Германии по отношению к советским военнопленным / К. И. Бовкун, Е. Ю. Садовская // Молодежный инновационный вестник. — 2020. — Т. 9, № 3. — С. 14–16. — EDN BJRGSJ.
12. Аристов, С. В. Сопротивление советских военнопленных в нацистских концлагерях (1941–1945) / С. В. Аристов // Победа единства: народы Евразии в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): материалы Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 05–07 мая 2025 года. — Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2025. — С. 51–60. — EDN QVWMWU.
13. Макарова, Е. А. Родиной и совестью не торговавшие: Расстрелянная 5 января 1943 Г. В концлагере Флоссенбюрг группа советских командиров и политработников как феномен сопротивления в офлаге XIII D (Хаммельбург) / Е. А. Макарова // Гуманитарные проблемы военного дела. — 2021. — № 1(26). — С. 45–50. — EDN XBWWFP.
14. Ермаков, А. М. Ярославские курсанты-авиаторы во вражеском плену (1942–1945 гг.) / А. М. Ермаков // Historia Provinciae — журнал региональной истории. — 2023. — Т. 7, № 4. — С. 1283–1319. — DOI 10.23859/2587-8344-2023-7-4-4. — EDN BFTPXS.
15. Иванов, В. А. Борьба советских военнопленных с нацистскими оккупантами в Севастополе в 1943–1944 годах / В. А. Иванов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2024. — Т. 24, № 1. — С. 5–16. — DOI 10.37482/2687-1505-V317. — EDN FCXLVI.
16. Маркдорф, Н. М. Судьбы советских военнопленных — участников европейского движения Сопротивления / Н. М. Маркдорф // Исторический курьер. — 2021. — № 3(17). — С. 164–172. — DOI 10.31518/2618-9100-2021-3-18. — EDN BCAXWG.

17. Мендикулова, Г. М. Казахи в европейском движении Сопротивления: новые документы из зарубежных архивов / Г. М. Мендикулова // Исторический курьер. — 2021. — № 3(17). — С. 76–94. — DOI 10.31518/2618-9100-2021-3-9. — EDN FXCHOY.
18. Тимофеева, Н. П. Советские военнопленные в Германии: коммеморативные практики первых послевоенных лет / Н. П. Тимофеева // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. — 2021. — № 4. — С. 108–118. — DOI 10.28995/2073-6339-2021-4-108-118. — EDN ELDEGE.
19. Христофоров, В. С. Советские военнопленные периода Великой Отечественной войны (1941–1945): проблемы сохранения исторической памяти, поиска и оцифровки архивных документов / В. С. Христофоров // Труды Института российской истории РАН. — 2023. — № 17. — С. 162–189. — EDN IAJPNM.
20. Анохин, И. В. "В сухих строчках отражаются как высоты человеческого духа... так и падения...". Судьбы советских военнопленных в трофейных немецких документах / И. В. Анохин, В. И. Субботин // Военно-исторический журнал. — 2023. — № 1. — С. 78–86. — EDN ZLCPGW.
21. Хильгер, А. Х. П. Советские военнопленные: немецкий плен и проблемы возвращения на Родину / А. Х. П. Хильгер // Вестник Томского государственного университета. История. — 2019. — № 57. — С. 141–147. — DOI 10.17223/19988613/57/24. — EDN ZAYFHV.
22. Мегем, М. Е. Снести нельзя оставить: ключевые тенденции политики памяти стран Балтии в отношении советских памятников на местах массового насилия / М. Е. Мегем // Балтийский регион. — 2022. — Т. 14, № 4. — С. 128–145. — DOI 10.5922/2079-8555-2022-4-8. — EDN YUABZN.

Nevzorov Sergey Gennadievich

Orenburg State University, Orenburg, Russia

E-mail: sg-nevzorov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-9974-2773>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=776897

The collective feat of Soviet prisoners of war as a cultural phenomenon: solidarity, identity, and places of remembrance

Abstract. The article provides a cultural analysis of the collective heroism of Soviet prisoners of war who were held in the Nazi camp system from 1941 to 1945. The author views this collective heroism not as a sum of individual heroic acts, but as a specific cultural practice that prisoners developed to preserve their dignity, group identity, and will to live in a camp designed to systematically eliminate them. Based on published research, the article reconstructs the internal logic of this practice: from mutual assistance and solidarity to refusal and organized resistance. It shows that the pre-war army experience, discipline, native language, common song, military etiquette, and memory of the Motherland were the carriers of collectivity, which in the camp environment acquired the significance of a cultural code and a tool for survival. It is shown that the same model worked outside the camps, in national formations and the European Resistance movement, where prisoners of different nations worked together. The author also examines the posthumous fate of the feat, its entry into the memorial culture through monuments, commemorative practices, and educational projects, as well as the accompanying distortions and omissions. The author concludes that the collective feat of the prisoners of war is a nascent «memory site» that can provide society with an answer to its own identity and offer a model of moral choice in inhuman circumstances.

Keywords: collective feat; Soviet prisoners of war; culture of memory; identity; solidarity; Nazi concentration camps; Resistance movement; places of memory; commemoration